

БРАМС КАК ПРАЗДНИК

Веч. курьер - Меллени - 1992 - 13 ок

Нынешний Международный день музыки - первое октября - впервые за многие годы стал истинным праздником для всех любителей искусства звуков. С эстонским симфоническим оркестром выступили музыканты, которых таллиннская публика давно уже знает и любит, - это Пеетер Лиле, ныне главный дирижер симфонического оркестра города Оулу (Финляндия), и живущий с 1988 года в Германии пианист Калле Рандалу.

Концерт, состоявшийся в зале "Эстония" открылся новой пьесой Лепо Сумера "Musica tenera", исполненной впервые. По стилю это типичный "академический авангардизм", если использовать выражение самого композитора, - разве что в этой пьесе формообразование стало гораздо рациональ-

нее, чем в его предыдущих сочинениях. Но на этом пути Сумера делает только первые шаги, а потому по силе экспрессии "Musica tenera" безусловно не дотягивает до уровня, скажем, его же симфоний - впрочем, скорее всего, композитор на это и не претендовал.

Но в исполнении Пеетера Лиле эта музыка прозвучала как откровение. Главное качество, которое дирижер приобрел за то время, что мы его не слышали, - это поразительная точность интерпретации. В таких вещах, как "Musica tenera", это особенно слышно. Я был поклонником таланта Лиле с самого начала его дирижерской карьеры. Оригинальность трактовки и своеобразное величие концепций были ему присущи всегда. Но теперь до известной степени исчез некоторый налет субъективизма, свойственный ему в молодости. На смену ему пришла величественная простота, когда замысел композитора передается с предельной точностью. И поэтому пьеса Сумера прозвучала как бы на едином дыхании и была тепло принята слушателями.

Вслед за ней исполнялась одна-частная седьмая симфония Сибелиуса ("Fantasia symfonica"), одно из последних его произведений. О ней в программке сказано, что она якобы завоевала слушательскую любовь благодаря своей исключительной краткости. Не думаю, что эта так. Симфония длится 22 минуты - в два с половиной раза больше, чем "Туонельский лебедь". Но музыка ее действительно воспринимается гораздо легче по сравнению с другими симфониями Сибелиуса. Скорее всего, это происходит потому, что Седьмая, подводящая итог творческой карьеры композитора, является прямо-таки своеобразной энциклопедией романтических музыкальных приемов. Здесь и протяжная тромбоновая тема, восходящая еще к Берлиозу, и очаровательное пение скрипок, и драматические трелюло-

струнных и литавр, встречающиеся у Вебера, Верди, Чайковского и звучащие очень эффектно; и чуть ли не вагнеровское богатство красочных иквенций и модуляций. Но все это представлено как бы в очищенном виде - тематическое развитие в симфонии по-классически ясно. Думается, легкости восприятия способствует использование облегченного (классического) состава оркестра.

Лиле передал замысел композитора с необычайной отчетливостью. Форма была выстроена безукоризненно, хотя в этом произведении Сибелиуса она отнюдь не проста и страдает всеми романтическими излишествами. Но слушатели концерта ощутили живую мысль композитора: в трактовке Лиле это действительно была "симфоническая фантазия". Можно было только удивиться, с какой ясностью дирижер передает все тончайшие оттенки чувств в музыке финского мастера. Как драматические, так и лирические эпизоды были проведены на редкость естественно и свободно. Пожалуй, только музыканты-специалисты смогли в полной мере оценить, какого труда это потребовало от дирижера. Публика же тоже приняла это произведение тепло.

Вершиной вечера, однако, стал фортепианный концерт Брамса № 2, прозвучавший во втором отделении (солист Калле Рандалу). Дирижер трактовал его как лирическое произведение - в его интерпретации некоторый академизм, свойственный этому сочинению, исчез абсолютно. Произведение просто поража-

ло исключительной цельностью. И даже достаточно трафаретный финал, играемый обычно как жизнеутверждающая ода, в исполнении Рандалу-Лиле стал продолжением той же лирической линии, которая была намечена в первых трех частях. Не знаю, с помощью какого волшебства это было достигнуто, но на этом концерте Брамс звучал чуть ли не как предвестник Малера.

Скажем несколько слов обоим солистам. За годы, проведенные в Германии, Калле Рандалу достиг высшего класса музыкального мастерства. Отнюдь не утратив силы исполнения, которой он обычно покорял публику, он вместе с тем приобрел какой-то особый интеллект в игре. Причем это качество отнюдь не убавило у Рандалу присущей ему всегда виртуозности. Но теперь его игра стала гораздо более гибкой, более богатой смысловыми подтекстами, более тонкой по нюансировке. Иногда он сознательно уходит на второй план, подчиняясь концепции дирижера, - и тогда звучание рояля как бы полностью сливается с оркестром. Но - странное дело! - и в эти минуты Рандалу все равно фиксирует на себе внимание публики.

Естественно, что в такой трактовке концерт Брамса был принят слушателями на "ура". Овациям не было конца; финал был бисирован. Думаю, что концерт в честь Международного дня музыки стал подлинным событием в культурной жизни Эстонии. И одна только мысль вызывает недоумение. Если уж эстонский народ имеет таких исполнителей, которые достигли мирового класса в своем искусстве, неужели он не заслуживает того, чтобы слушать их не только по международным праздникам?

МАРК РАЙС.

На снимке: Калле Рандалу репетирует.

Фото Файви Ключика.